Кн. Д. А. Шаховской

Пѣсни безъ словъ

Издательство Русскихъ Писателей въ Бельгіи
Брюссель
1924

от Шаховского.

Кламар. 1925 г.

Кн. Д. А. Шаховской

Пѣсни безъ словъ

Издательство Русскихъ Писателей въ Бельгіи
Брюссель
1924

IMPRIMERIE CROZATIER
3, IMPASSE CROZATIER

**Памяти друга моего,
Князя Дмитрія Дмитріевича
Шаховского.**

Нѣтъ новыхъ словъ, чтобъ выразить роднѣй
Свои слова. Туманами родного
Лежитъ мое несказанное слово
Надъ ясностью моей.
Лежатъ слова, какъ звѣзды надъ дорогой,
О подойди къ нимъ путникъ, но не трогай...

Устами словъ не высказать себя;
Слова родныя всѣ въ непониманьи...
Свѣти, цвѣти небесное дрожанье,
День освѣтивъ и ночь оголубя!

Освяти грѣхи мои, Россія,
Эту смерть, любовь земную эту —
Эти листья, листья снѣговые
Твоего непонятаго лѣта . . .

Освяти и дай свое мнѣ око . . .
Дай, чтобъ могъ я тайны вѣчной имя
На туманномъ замыслѣ востока
Написать словами золотыми.

О причастись !

Не проколышетъ нива,
Не сшелеститъ отвѣтная ветла ;
Дорога въ ночь по-тлѣнному свѣтла,
Снѣгъ легкихъ звѣздъ порошитъ міръ лѣниво . . .

Передъ безмолвьемъ многихъ поколѣній
Стоитъ земля безмолвно на колѣняхъ.

На востокъ я иду одиноко ;
Путь мой дологъ и вечеръ мой длиннъ ; —
Дай мнѣ тихую пѣсню востока,
Нѣжный запахъ гафизскихъ долинъ.

Я увижу тебя на востокѣ ;
Пѣснямъ нѣту дороги назадъ ; —
Отъ мерцаній вечернихъ лампадъ
Только позднія звѣзды далеки.

Тяжелымъ сномъ уснули вѣки,
Передъ разсвѣтомъ павши ницъ,
И жизнь ушла, но не навѣки,
За тайну нѣжную рѣсницъ.

Ко дню возвратъ свой приневоля,
Она опять придетъ, а съ ней —
Земного вечера неволя
Средь человѣческихъ огней.

Не льетъ на землю полночь голосъ твой,
Но слышу я въ недвижности ночной
Шуршанье травъ — шуршаніе безъ силы,
И травамъ вторитъ шопотъ темнокрылый...

Сошла печаль, какъ призракъ новыхъ дней.
Въ струѣ разсвѣтной шопоты виднѣй:
«Не уходи, безумецъ темноокій,
Здѣсь много словъ... и всѣ слова далеки!»

РЕРИХУ.

I

Я горько тихъ. Летятъ, летятъ годины
Моей земной плакучей тишины ;
Уже поля росой изречены,
Ужъ плещетъ пѣсню голосъ лебединый . . .
О прикоснись къ землѣ, гдѣ весны талы,
Духъ мертвыхъ зорь и розовыхъ кораллов ! . .

II

Я сладко тихъ. Колеблемы весной
Мои слова. Я радостенъ. За мной
Весеннiй вѣтеръ, шелесту покоренъ,
Цѣлуетъ землю, землю новыхъ зеренъ . . .

Тихо эхо надъ долиною.
Я за утромъ . . . Я внизу,
Гдѣ береза, Магдалиною,
Свѣтитъ каждую слезу.

Четокъ, чутокъ день рождающій.
Тѣнь, какъ мысли ; тѣнь чутка . . .
Ранитъ запахъ увядающій
Неувядшаго цвѣтка.

Все во всемъ, какъ въ небѣ розовомъ.
Я воскресъ ; — умру опять . . .
Шелкошелесты березовы
Начинаютъ запѣвать.

Твоей груди, какъ чьихъ то робкихъ рукъ,
Я разбудилъ прикосновенье...
(Было
Негаданнаго утра время. Разсвѣталъ
Горячій вѣтеръ)
Другъ мой, другъ мой тайный,
Прости меня!.. Я бѣденъ, я поэтъ.

Когда тревога сокровеннѣй,
Благословеннѣй къ тайнамъ путь...
Не тронь весну земли весенней,
Воспоминаніе забудь.

Сойди въ поля къ забытымъ древамъ,
И пусть твой плачъ идетъ туда,
Гдѣ томнолиственнымъ напѣвомъ
Дрожатъ лѣсные города.

Чуть слышны холодные отливы,
Шумъ волны, отпрянувшей назадъ.
Пощаженный, робкій, сиротливый
Длится день у каменныхъ оградъ.

Мнѣ ли знать, кто радостно иль злобно
Міру миръ внесетъ на остріѣ ?..

Исцѣли, угодникъ преподобный,
Безвременное терпѣніе мое.

Ив. БУНИНУ.

Любовь проста. Горѣніе простое.
Онъ вовсе строгъ...
И пьютъ уста сладчайшіе настои
Его всѣхъ строкъ.

Ночныхъ тѣней, за избами родными,
Лишенный мигъ,
И въ четкомъ днѣ и въ синемъ полудымѣ,
Лишь онъ постигъ.

Смотри пѣвецъ, какъ стравленныя стрѣлы
На мнѣ сплелись устами язвъ своихъ,
А я стою... и сладкій и несмѣлый
Съ небесной тишины ко мнѣ слетаетъ стихъ.

Смотри пѣвецъ, какъ все помолодѣло,
И тамъ, вдали, бѣлѣется, гляди,
Прошедшихъ дней раскинутое тѣло,
Какъ паруса невышедшей ладьи ;

То жизнь, пѣвецъ!.. Клонюсь къ святой водѣ ль я,
Гляжу ль, какъ ты, на радостную плоть,
Все та жъ душа, все то же безраздѣлье :
Себя, въ себѣ, собою побороть!

Когда мой день придетъ, пируя,
И всѣ года сольются въ немъ,
Не изреку же счастье всуе
За многояственнымъ столомъ.

Да отойду къ пустынной рѣчи,
Чтобъ, отошедшихъ дней промеждъ,
Свою любовь склонить, какъ плечи,
Подъ тѣнь безмолвную одеждъ.

Разлилось легчайшее начало
На траву, на радость, на уста.
Былъ и день и ночь. Трава встрѣчала
У крестовъ два бѣлые креста.

А потомъ — потомъ осталось то же :
Первый снѣгъ . . . Послѣдніе кресты . . .

Подари копеечку, прохожій,
Пѣснямъ разума, прохожаго, какъ ты.

Чистомудрый, Свѣтлокроткій,
Посѣти въ рыбачьей лодкѣ
Прокаженнаго меня!

Я живу вдали отъ града;
Тихій плескъ — моя награда,
Мой пріютъ — молчанье дня.

Посѣти меня, скажи мнѣ,
Развѣ нѣтъ въ безмолвномъ гимнѣ
Сотворенныхъ словъ, —

Развѣ свѣтитъ не безмолвно
Въ людяхъ — быстрый, въ небѣ — ровный,
Тихій Свѣтъ Христовъ?

Надъ разсвѣтомъ звѣзда упадала. И было
Столько радости звѣздной въ небесномъ паденьи,
Что предвѣчную пѣсню молчаній земля не укрыла
И въ лѣсахъ зашептались идущія на небо тѣни . . .

Другъ мой, сердце ! Навстрѣчу ночному отвѣту
Столько въ небѣ разсыпано огненной жажды,
Что надъ каждой минутой зарницами блещутъ
разсвѣты,
Но не каждый ихъ видитъ . . . и долженъ ихъ видѣть
не каждый.

Тщетногласны, неподвижны
Звуки вѣчныхъ лиръ.

Все, что голосу постижно,
Это — только міръ.

И когда, рожденный міромъ,
Я въ міру пою,

Ничего не жду отъ міра, —
Только жизнь свою.

Въ звучный день, когда дерзанья
Мнѣ покорны, я

Озарить хочу дерзанье
Тайной бытія.

Озарить, чтобъ озареннымъ
Скрыть свои слѣды

Въ дальнемъ запахѣ таеномъ
Сонной резеды.

Не говори: « отчего это прежніе дни были лучше теперешнихъ?» потому что не отъ мудрости ты спрашиваешь объ этомъ.

Еккл. VII, 10.

I

Не заплачь,
Увидавъ поколѣнья любви.
Многотлѣнной слезой прожитыхъ вечеровъ не лазурь: —
Изъ вѣтровъ отшумѣвшихъ не взять очищающихъ бурь
И не выплакать плачъ.

Позови
Всѣхъ, что любишь. Сбери всѣхъ любимыхъ въ саду...
И, забытая въ мірѣ тобою, къ тебѣ я приду.

Я слезою покорности,
Сладости, торности
Напояю любившихъ меня
И пою, темнокрыла,
И люблю, какъ любила
До послѣдняго дня!

II

И приму, и прощу, и забуду ... и вспомню опять,
Чтобы снова простить, чтобы снова принять ;
Но скажу лишь — беззвученъ отвѣтъ :
Словно былъ онъ и нѣтъ.
Горделивы слова ! Неизмѣнна стезя !
Побѣдить голубое нельзя.

Надъ купелью небесъ поклонилась дѣвичья грудь.
Я нашелъ отраженье купели въ прибрежныхъ цвѣтахъ
И словами нѣмыми, какъ прахъ,
Былъ указанъ мнѣ путь :

« Многосладостна,
Сладостна всѣмъ,
Не тебѣ ли повѣмъ,
Гдѣ купель ? —
Разскажу не тебѣ ль,
Не тебѣ ли напѣвы повѣмъ ? ! »

Гр. Д. Ѳ. НИРОДЪ.

ВЕРЧЕЛЛИ.

Звѣзднымъ свѣтомъ мерцаетъ капелла.
Тѣни ходятъ подъ куполомъ чинно.
Затихаетъ костеръ фра Дольчино
И далекая пѣсня запѣла.

Отойди, — отойдетъ и Распятье.
Ночью благостенъ міръ Маргариты.
Пахнутъ медомъ своимъ евкалипты,
Вѣтеръ нѣжность цѣлуетъ у платья.

Зари три повѣсти таи,
Да через ночь мною соловью
Смотри на горести мои
Посеребренныя любовью.

Гдѣ два летѣвшія крыла
Летѣли, близостью влекомы,
Тамъ повѣсть первая была
Моей свирѣли незнакомой.

Лети, свѣти, что намъ дано,
Къ простору розоваго лона...
Вторую повѣсть взялъ давно
Я на прудахъ Анакреона.

Теперь повѣрь черезъ меня
Минуть неслышимому бою,
Что третья повѣсть — повѣсть дня,
Еще не пѣтая тобою.

Неотмѣченъ, неотгаданъ
Путь чудесъ, который данъ.
И синѣетъ, словно ладанъ,
За воротами туманъ.

Выйти въ поле — гдѣ же вѣсти ?
Гдѣ же синяя трава ?..

Повторяю съ кѣмъ то вмѣстѣ
Одинокія слова.

Я хочу твоего дуновенья :
Тамъ, гдѣ раннія зори чисты,
Слышать дальнее дольнее пѣнье
И холодные трогать персты.

Но въ весенніихъ сумеркахъ стройныхъ,
Гдѣ, для міра, безмолвствуешь ты,
Дай остаться чужимъ, безпокойнымъ,
Недостойнымъ твоей наготы.

Свою мнѣ жизнь сказать возможно.
Но я безъ словъ стою одинъ
Въ пуху неслышныхъ хворостинъ,
Гдѣ серебристо и тревожно.

Блистанье звѣздъ опустоша,
Заря къ землѣ перелетѣла . . .
И, тайный міръ — святыню тѣла,
Въ себѣ, предчувствуетъ душа.

Бѣгущихъ дней слова запомни ;
Храни промедлившіе дни ;
Все, что яснѣй, все, что бездомнѣй,
Въ своей улыбкѣ, сохрани.

Помедли тамъ, гдѣ пѣсня спѣта ;
Бѣги туда, въ неполный свѣтъ,
Гдѣ узнаваемаго нѣту
И забываемаго нѣтъ.

Я здѣсь . . . Я другъ . . . Черезъ мерцанье,
Пока въ любви ты спишь еще,
Кладу нагое цѣлованье
На непокрытое плечо.

OVOLOZKY
ACQUES
EDITEUR
13 RUE BONAPARTE
TELE-GOBELINS-53-62